
С. В. Конявская

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СЛОВ РІ. Т.

Диахроническое изучение слов рі. т. интересно с той точки зрения, что это, казалось бы, несистемное и исключительное для категории числа явление существовало в языке древнерусской письменности и существует по сей день в современном русском языке практически без изменений. Изучение данных слов на лексико-семантическом, словообразовательном и морфологическом уровне, а также на уровне функционирования позволяет увидеть степень динамичности или статичности этого феномена и определить, исходя из этого, насколько он является системообразующим.

Среди вопросов словообразования слов рі. т. можно выделить три основные:

- 1) какие семантические отношения связывают производные слова рі. т. с производящими,
- 2) каковы механизмы словообразования этих слов
- 3) и каков лексический статус дериватов в подобного рода цепочках.

В данной статье рассматривается первый из перечисленных вопросов — словообразовательные отношения — внутри системы языка древнерусской письменности на словарном материале, и в сопоставлении с данными по морфологии¹ и словообразованию² аналогичных слов в современном русском языке.

---

¹ См. Арбатский Д. И. О колебании в употреблении форм дверь — двери, дверца — дверцы. // Русская речь. 1967. № 6. С. 57—60.

Васильева В. Ф. Категория числа у существительных рі. т. (на материале современного чешского языка) // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1972. № 1. С. 56—67.

Васильева В. Ф. Существительные рі. т. и характер их значений множественности в современном чешском языке // Советское славяноведение. М., 1972. № 5. С. 60—68.

Васильева В. Ф. Существительные pluralia tantum в современном чешском языке. АҚД. М., 1974.

Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование. // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 47—85.

² См. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия в русском языке. М., 1981.

Чернейко Л. О. Специфика производного лексического значения слова. // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1990. № 2. С. 35—46.

Исходя из того, что все слова, имеющие форму мн. ч., не соотносимую с формой ед. ч., одним из компонентов значения имеют значение внутренней множественности, со значительной степенью вероятности можно утверждать, что между ними (присущей данному слову формой мн. ч. и значением внутренней множественности) есть связь. А стало быть, можно говорить о наличии здесь очевидного словообразовательного процесса. Это положение подтверждается тем фактом, что в большинстве случаев процесс словообразования удается проследить: налицо производящее слово (как правило, это слово с полной парадигмой либо слово *sing. t.*) и дериватор — изменение системы флексии. В основе неочевидности процесса словообразования у рассматриваемых слов лежит не что иное, как отсутствие четкого форманта, который мог бы фиксироваться как дериватор.³ Надо иметь в виду, однако, что дериватор является лишь формальным выражением лексико-семантической связи слов, обусловленным ее наличием, а не обуславливающим его.

Когда речь идет о словообразовательной цепочке, то, в первую очередь, надо помнить о том, что возникнуть она может только в одном случае: если есть необходимость нечто поименовать. Стало быть, то, как происходит образование новой единицы, в значительной степени обусловлено именно тем, какой образ соответствует именуемому сегменту действительности в языковом сознании, т. е. сигнификатом. Именно поэтому есть смысл видеть словообразовательный процесс там, где нет традиционных формальных показателей этого процесса, но есть его результат: номинация нового сигнификата (а иногда и денотата).

Не вызывает возражений тот факт, что «изменение парадигмы» может быть формальным показателем процесса словообразования. Например, характерная для русского языка субстантивация: «больной» и «больная» суть формы одного слова, если речь идет о прилагательных, но два разных слова, если речь идет о существительных. Это утверждение не вызывает нареканий и является общим местом, несмотря на то что единственное формальное изменение при этом способе словообразования — именно изменение системы флексии. Изменение числовой парадигмы — явление по сути такое же. В. М. Марков прямо перечисляет категорию числа в ряду факторов, по которым производное слово может быть противопоставлено производящему⁴.

При этом не вызывает сомнений, что существительное «больной» отличается от прилагательного «больной» не тем, что у первого род — это категория словообразовательная, а у второго — словоизменяющая, ибо это имманентные признаки данных *частей речи*, а не данных *слов*. Производное слово по своей семантической структуре является суммой семантики производящего и некоего «приращения». Различие же в данной паре слов в том, что к общему значению прилагательного 'признак' добавилось приращение 'носитель'. То есть эти два слова обозначают разные реалии, и связь между этими реалиями мотивирует данную цепочку словообразования.

Отличается ли смысловое «приращение» в производном слове *pl. t.* от «приращения» в любой другой словообразовательной цепочке? В основе моделей «правильного» словообразования (то есть такого словообразования, которое не нарушает системности лексики) лежат определенные логические отношения между понятиями: смежность ('признак / носитель': сущ. из прил. и наоборот: **искѸсь** — «искушение, испытание» → **искѸсныи** — «испытанный, искушенный, опытный» → **искѸсьникъ** — «искуситель», **языкъ** — «орган» → **языкъ** — «наречие, язык» → **языкъ** — «народ»; 'действие / субъект действия': сущ. из глаг. и наоборот: **искѸшати** → **искѸшатель**, сущ. из сущ. 'свя-

³ Трактовать окончание мн. ч. как такой формант было бы нарушением логики построения системы: флексия не является словообразовательным формантом, в отличие от такого понятия, как «изменение системы флексии» — понятия давно и хорошо знакомого. Представляется логичным считать сокращение числовой парадигмы частным случаем этого явления.

⁴ Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск. 1981. С. 25—26.

занный с...': **КАНОНЪ** → **КАНОВЪНИКЪ** — «канонник», **ЧАША** → **ЧАШЪНИКЪ** «заведующий погребом», 'действие и его инструмент': **ПОТВОРЫ** «отравление» → **ПОТВОРЫ** «отрава»), **ПОДОБИЕ** (прил. из сущ. — типа «дурацкий поступок», «волчья жадность», и т. д. — 'подобно кому-то, чему-то': **ЯЗВА** «рана, язва» → **ЯЗВИНА** «нора, логовище; ущелье, овраг», **ДѢТИ** «дети» → **ДѢТИ** «паства»), **КОЛИЧЕСТВО** (сущ. со знач. уменьш. либо увел.: **КЕЛНА** → **КЕЛЬНИЦА**, **ЧАША** → **ЧАШИЦА**, **ЧАШЬКА**), **ГРАДАЦИЯ** ('род / вид' и 'вид / род': сингулятивы — «снег — снежинка»: **ЛЮДИК** → **ЛЮДИНЪ**, собирательные — «лист — листва»: **ЧАША** → **ЧАШИК**, **БРАТЪ** → **БРАТНИА**, **ЧАДО** → **ЧАДЬ**), **ПОИМЕНОВАНИЕ** ('номинация': сущ. из глаг. со знач. процесса: **ИСКЪШАТИ** → **ИСКЪШАНИЕ**, **ХОТѢТИ** → **ХОТЬ** «желание», **ХОТѢНИК**).

Такова же природа и тех отношений, что связывают производящее и производное слово при так называемом «непредсказуемом» словообразовании, словообразовании по тропам (случаи типа «выпечка» — процесс и результат, «рак» — животное и болезнь и т. д.). Те же **количественные** (**ЖИТО** — **ЖИТА**), **градационные** (**ДЕНЬГА** (**ДЕНЬГЫ**) — **ДЕНЬГЫ**) отношения, отношения **смежности** (**ВОЗЪ** (**ВОЗЫ**) — **ВОЗЫ**), **подобия** (**КЛѦПЫШЪ** — «миндаль» → **КЛѦПЫШЬ** — «костылек, употреблявшийся вместо пуговицы», **ВЛАСЪ** (**ВЛАСЫ**) — **ВЛАСЫ**).⁵

Очевидно, что изменение парадигмы числа не является обязательным условием словообразования такого рода, а является лишь одним из возможных вариантов. Более того, в этом случае мы все же имеем определенный формальный показатель процесса словообразования, в то время как в цепочке типа — **КЛѦПЫШЪ** — «миндаль» → **КЛѦПЫШЬ** — «костылек, употреблявшийся вместо пуговицы и запоны на вороту, прорехах и полах царских кафтанов, зипунов и др. одежды»,⁶ — формального показателя нет вообще.

Тот факт, что в основе так называемого словообразования по тропам (языковая метафора, метонимия) лежит некий образ, то есть своего рода условность, с одной стороны, является общим местом, а с другой, — почвой для значительных разногласий, связанных с тем, что вносимый таким образом момент субъективности, казалось бы, выключает результат из системы языка, делая его принадлежностью речи — явления менее строго упорядоченного. Действительно, такая модель словообразования принципиально не регулярна, но и не маркирована стилистически (в плане функциональных или литературных стилей) либо экспрессивно, в отличие от употребления тропов как приемов художественного текста в современном понимании. Более того, использование именно изменения числовой парадигмы, как правило,⁷ объяснимо самой «структурой» образа: **КОУРЫ** — это время, когда поют **петухи** (**КОУРЫ**). Это пример расхождения полисемии с образованием деривата с отвлеченным, абстрактным значением: слова **кѡръ** (петух), **кѡры₁** → **кѡры₂** — время, когда поют петухи:

1) **кѡръ / кѡры₁** — петух, петухи — **Къ възглашению коура** (прос την αλεκτοροφωνίαν). *Ефр. Крм. 221. Вирьникоу взати .з. вѣдеръ солодоу на нед..., а коуръ* (по др. сп.: **кѡровъ**) *по двою на днь. Р. Прав. Яр. (по Син. сп.). По волости кѡры брати и повозы возити. Сузд. л. 6717 г. (по Ак. сп.).*

2) **кѡры₂** — время, когда поют петухи — **И яко же высть убо къ кѡромъ и пригна**

⁵ В риторике эти отношения называются внутренними топами, но для сохранения единообразия терминов разумным видится называть их просто логическими отношениями между понятиями.

⁶ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I. Ч. 2. Стб. 1235.

⁷ Оговорка «как правило» обусловлена тем, что не всегда достаточно материала, чтобы судить определенно — это вообще специфика материала при изучении истории языка.

⁸ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 2. Стб. 1379.

дѣтъский изъ Галича к Петрови. *Ип. л. 6660 г.*; И яко высть в кұры и позна в собѣ дұхъ изнемогающъ ко исходу дұши. *Ип. л. 6796 г.*; къ коуромъ же събрася все множество людїи въ темницу. *Жит. Григ. Акраг. XIV в.*⁸

Это метафорическое употребление конкретного существительного, закрепившееся в ограниченном числе контекстов. Стоит упомянуть тот факт, что в современном русском языке существует слово «петухи» с тем же значением, ограниченное очень небольшим узусом (в основном — фразеологическими сочетаниями: «до (первых / вторых / третьих) петухов...»).

Также важно, что время может быть названо таким образом только в том случае, если всем известно, что все петухи поют в одно и то же время, в противном случае номинация была бы непонятна, а для собственно «художественного» образа важно скорее исключение, чем правило.

Итак, существует ряд логических отношений между понятиями, которые могут послужить основой процесса словообразования, и так называемые «образы», адекватно воспринимаются читателем⁹ именно потому, что в его основе лежит не некое абсолютно субъективное восприятие автора, а объективное логическое отношение, воспринимаемое как нормальное и автором, и читателем. Но очевидно, что компонент множественности задается не самим этим отношением, а его конкретной реализацией, то есть как бы внутренней формой «образа», которая, в свою очередь, отражает так или иначе особенности реалии.

Давно не нуждается в доказательствах утверждение, что мн. ч. у слов рl. t. является не столько средством выражения множественности в традиционном смысле этого слова, сколько средством номинации¹⁰, и, следовательно, у каждого из слов, относимых к этой группе, есть дополнительный семантический компонент структурного множества. У многих из этих слов есть неточные синонимы, не имеющие этого компонента и имеющие полную числовую парадигму. Употребление в тексте первого или второго зависит, судя по всему, от восприятия конкретным носителем языка данной реалии либо от коммуникативного намерения конкретного автора.

То, что речь в значительном числе слов идет о разнице сигнификатов, а не денотатов, можно проиллюстрировать на примере слов **вои**₁ — мн. ч. от слова **вои** (воин) и **вои**₂ — sing. t. «войско». При этом есть еще **вои**₃ — рl. t. со значением «войско» — И. И. Срезневский распределяет эти слова в разные словарные статьи. Контексты с употреблением данных словоформ распределены по этим статьям следующим образом:

1) **вои**₁ — *Имате ли воѣ Мф XXVII. 65. Четвероев. 1144 г. 66. об.*

2) **вои**₂ — (sing. t.) — *Ярославъ и Мьстиславъ. соброста вои многъ. идоста на Лахы. Пов. вр. л. 6539 г. Ярославъ събра вои многъ Варагы и Словѣни. т. ж. 6544 г. Нашъ царь богатѣе тебѣ не множествомъ злата, но множествомъ воя. Сл. Дан. Зат.*

3) **вои**₃ — *мъножьство вои несъныхъ. Лук. II. 13. Остр. ев. аще проситъ вои ѿ насъ князь рұскыи. дамы емұ елико емұ бұдетъ тревѣ и да воюктъ. Дог. Иг. 945 г. (по Ип. сл.). николи же помышлю на страну вашу. ни свираю вои ни языка. Обяз. гр. Свят. 972 г. Мнханлъ цръ изиде с вои брегомъ. и моремъ на болгары. Пов. вр. л. 6366 г. Володимеру же шедшу Новугороду по верховниѣ воѣ. Пов. вр. л. 6505 г. Володимеръ же*

⁹ В связи с особенностями исследуемого материала представляется допустимым и правильным всякий раз называть получателя сообщения читателем, а отправителя — автором.

¹⁰ См. об этом: Новиков А. А. Лексикализация форм числа существительных в русском языке. // Филологические науки, 1963. № I. С. 31, 32, 41.

¹¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 1. Стб. 284—285.

собра вон многи Вараги и Словѣни Чюдъ и Кривичи. Пов. вр. л. 6488 г.¹¹

Очень показательно, что разница семантики слов **вон₂** и **вон₃** очень незначительна. Оба эти слова характеризуются семантикой неразделенного множества и различаются, кроме грамматики (системы флексии и сочетаемости (**множествомъ воя / вонъ нѣсныхъ; Сѣбра вонъ многъ / собра вонъ многи**)), именно семантическим компонентом структурной множественности: войско также воспринимается как целое, но при этом имеется в виду, является коммуникативно важным его сложный состав (много людей, возможно, разных специализаций etc.). О таких парах говорит П. А. Соболева¹², называя это явление колебанием в осмыслении тех или иных вещественных понятий, которое вызвано большей или меньшей степенью расчлененности денотата в языковом сознании того, кто создает конкретный контекст. В современном русском языке, который и явился объектом исследования в работе П. А. Соболевой, такие колебания характеризуют именно вещественную семантику, для языка же древнерусской письменности, где категория одушевленности формируется на протяжении довольно большого периода времени и не одновременно для разных категорий слов, они могут касаться также и собирательных существительных с «одушевленным» денотатом.

Менее очевидной эта закономерность представляется для конкретных существительных с предметным значением, которые по классификации А. А. Зализняка относятся к словам, имеющим оба числа, но омонимичные числовые формы в каждом падеже (то есть слова типа «сани»). Здесь значение внутренней множественности выступает в нескольких возможных ипостасях: предмет состоит из функциональных частей (как правило, это касается парносоставных: **скалы** (весы), **поножи** и т. д.) либо в основе номинации лежит сложный образ, который зачастую структурен. Так, в цепочке слов **мощь** → **мощи**¹³ метафорические отношения этих слов очевидны: останки святых обладают божественной силой, «мощью» → название для таких останков указывает на самый главный их признак. Данные истории языка вполне подтверждают именно такие отношения:

1. **мощь** = **мошть** — сила, *ισχυς, δυναμις*; — **Любить и всѣмъ срдцьмъ, и всѣмъ разоумъмъ и всѣмъ дшею и всѣмъ мощиѣмъ своиѣмъ** (εξ ολης της ισχυος). *Мр. XII. 30. Юр.ев. п. 1119 г. отъ всеа мошти Изб. 1073 г. (В.). Имжть мощь (ισχυς). Гр. Наз. XI в. 292.*

2. **мощь₂** — **моши, reliquiae**: — **Мощь свтго Стефана — † кровь стго Дьмитриа — а Пантеленимон — † мощь свтго Пантелѣимона. Нап. На кр. Ефр. Пол. 1161 г.**

3. **мощи** = **мошти** — *reliquiae, λειψανα*, тело умершего, тело, прославленное нетлением и чудесами — **Кланяюса стмъ мощемъ. Симв. Вер. Влад. Обрѣтеникъ мощемъ стымъ (των λειψανων). Остр. Ев. 280 об. Покланяюса и чьтоу стьихъ всѣхъ моштьмъ (λειψανα). Изб. 1073 г. 23.**¹⁴

Очевидно, что **мощь** (сила) → **мощи** (моши), семантическая доминанта «сила» занимает

¹² Соболева П. А. Словообразовательная полисемия в русском языке. М., 1981. С. 147—160.

¹³ Необходимо сказать о том, как рассматривает подобные цепочки лексикализации Манучарян Р. С. (Манучарян Р. С. Существительные *pl. t.* и пути их образования в русском литературном языке. С. 15—17). Считая бесспорным, что возникновение *pl. t.* — это результат «вычленения мн. числа из структуры многозначного слова», он указывает на целый ряд проблем, связанных с определением слова и словоформы, на неоднородность явления такой лексикализации. Так, он выделяет, в частности, группу слов с давно и очевидно разошедшимися значениями и группу слов, для которых семантическая доминанта все еще очевидна и актуальна. Слово «моши» (высохшие останки людей) он относит в первую из перечисленных групп, как производное от «мощь» (могущество, сила).

¹⁴ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. II. Ч. 1. Стб. 180—181, 183.

важное место в значении обоих слов. Однако остается без ответа вопрос о причине лексикализации именно формы мн. ч., а не просто метафорического переноса. Думается, что объяснить это можно только гипотетически, предположив, что *мощи* как реалья связаны в сознании с целым комплексом мистических возможностей, творимые ими чудеса разнообразны и неоднократны. При этом важно иметь в виду тот факт, что слово **МОЩЬ** в значении «сила» не может приобретать значения обычной (противопоставленной) множественности, так как характеризуется абстрактным значением. Вероятно, присущая слову **МОЩИ** дополнительная сема такая же, как в современном русском языке в слове «силы», производном от «сила» («темные силы», «подключить дополнительные силы»), то есть момент персонификации: сила и ее носитель + интенсивность и многообразие проявления признака. Однако хотелось бы еще раз подчеркнуть, что подобного рода предположения могут рассматриваться только чисто гипотетически. Основанием же для выдвигания именно этой гипотезы явилось представление о типологической общности языка древнерусской письменности и современного русского языков как диахронически связанных близким родством, вытекающее из традиционного со времен Гумбольдта положения о неизменности типологии языка. А стало быть, системы их внутренних связей должны быть, по крайней мере, сопоставимы, что мы и имеем по традиционным представлениям истории языка.

Что же касается слова **МОЩЬ**₂, — слова со значением «мощи», но имеющего тем не менее форму ед. ч., — то по записи, содержащей единственный пример такой формы, вряд ли можно дать ему достаточно оправданное объяснение.

Но если по отношению к этому слову есть варианты, является ли основанием для значения внутренней множественности сложность образа или сложность самой реалии (множество косточек — версия не очень убедительная, так как принадлежат они все же одному святому), — то для слова **ЧАСЫ** (в значении прибора для счета времени) доминанта однозначна — она, очевидно, такова же, как и для аналогичного слова в современном русском языке: большое количество часов (отрезков времени), считаемых данным прибором. **Часы** — это прибор, показывающий, как проходят **часы**.

Однако в значении некоторых слов этого класса (предметных, считаемых) компонент структурного множества вычленишь не удастся. Это слова **НОЖНИЦЫ** (ножны), **НОЖЬНЫ** (то же), **ВОЗИЛА** (носилки, повозка), **НОСИЛНИЦЫ** (носилики). Не исключено, что семантический компонент структурного множества в этих словах не очевиден для нас как для носителей современного языка, так как в современном языке он уже стерт.

Так, процесс стирания значения структурной множественности — в слове «двери» — имеет и формальное выражение: в древнерусском языке фигурирует как форма «**ДВЕРЬ**», так и форма «**ДВЕРИ**»:

1) **Дзѣ късь дверьь** (ηθυρα). *Ю. Х 9. Остр. ев.* 2) **И затворены быша двери** (ηθυρα). *Мф. XXV. 10. т. ж.* 3) **Донъдеже кси въ оглашакмынхъ, прѣдъ дверьми кси благочьствья** (протворов) *Гр. Наз. XI век. 110.* 4) **Блудъ же затвори двери. и не да по немъ ити своимъ.** *Пов. вр. л. 6488 г.* 5) **Длъжна бѣхъ ваю сѣрѣсти предъ дверми** (in

¹⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 1. Стб. 648.

¹⁶ Арбатский Д. И. О колебании в употреблении форм дверь — двери, дверца — дверцы. С. 57—60.

¹⁷ *Двери* — дверной проем, место, где можно стоять, толпиться, войти, выйти; а *дверь* — предмет, который можно открыть, закрыть, толкнуть, вымыть, etc. Не отрицая того, что такое разграничение семантики этих словоформ довольно последовательно, необходимо сказать, тем не менее, что безоговорочно эта закономерность работает только в одном направлении. Действительно, о дверном проеме и пространстве около него можно сказать по большей части только «двери» (и то, если не принимать во внимание контексты типа «войти в эту (в правую...) дверь» и т. п. — в определенном

vestibulo occurrere). *Жит. Порф. 39. Мин. Чет. февр. 299.*¹⁵

Судя по древнегреческим и латинским соответствиям, по крайней мере, в контекстах 1, 2 и 5, речь идет об одной реалии, то есть по значению это единственное число. При этом важно также заметить, что пример на употребление формы единственного числа встретился только один: **ДВЪРЬ** (ἡθυρα). *Io. X 9. Остр. ев.*, где только эта форма, вероятно, отвечала в полной мере представлениям писца о согласовании слов во фразе. О числовой парадигме этого слова на материале современного русского языка писал Д. И. Арбатский¹⁶, который разграничил пространственное и предметное значение этого слова.¹⁷ Однако для настоящего исследования важно отметить лишь то, что существующая в современном русском языке форма *двери* в зависимости от контекста является, с одной стороны, формой мн. ч. от слова «дверь», а с другой стороны, — считаемым существительным *pl. t.*; то есть значения эти закономерно семантически расходятся, ибо предмет «дверь» не воспринимается больше носителями языка как структурно сложный.

Классический случай метафорического словообразования представляет собой лексикализация форм мн. ч. слов с полной числовой парадигмой **БАБА**, **БЛИЗНЬЦЬ** и **РЫБА**. Мы имеем: словоформа **БАБЫ**₁ — мн. ч. от слова **БАБА** и слово **БАБЫ**₂ — «созвездие Плеяды»; **БЛИЗНЬЦИ**₁ — мн. ч. от **БЛИЗНЬЦЬ** и **БЛИЗНЬЦИ**₂ — «созвездие», **РЫБЫ**₁ — мн. ч. от слова **РЫБА** и **РЫБЫ**₂ — «созвездие». Категориальное соотношение этих пар слов (**БАБА** — **БАБЫ**₁ — «замужняя женщина; мать отца или матери; повивальная бабка; ворожея»; и **БАБЫ**₂ — «созвездие Плеяды, *pleades*». *Lex. manus. Берл. 12.* и **БЛИЗНЬЦЬ** — **БЛИЗНЬЦИ**₁ — «близнец»; и **БЛИЗНЬЦИ**₂ — διδυμοί, *gemelli* — «созвездие». *Изб. 1073 г. 251.*) — совершенно одинаково: нарицательное — со словоизменительной категорией числа, представленной полной числовой парадигмой, является производящим для собственного (названия созвездий) — очевидное *sing. t.* по значению. Связь между реалиями, лежащая в основе этой цепочки, также очевидна — это подобие. В данном случае вопрос о причине наличия грамматической формы множественного числа решается просто — это объясняется спецификой самих реалий (данные созвездия символизируют группу объектов)¹⁸.

У ряда слов форма множественного числа лексикализуется, приобретая специальное значение. Так обстоит дело со следующими словами:

1) **власъ** (**власы**₁) — волос, волосы — и **власъ отъ главы вашей не погыбнетъ**. *Лук. XXI. 18 Остр. ев. илѣши и за власы. Нест. Жит. феод. 3. власи нхъ зажжени горятъ. Псков. I л. 6773 г., etc.*

2) **власы**₂ — хвост кометы — **Явися на небеси звѣзда хвостатая... а шествіе тон звѣздѣ предивно вельми, а овогда бо преди власи ея, а овогда назадн... власы ея овогда мали, овогда велицы отъ нея**. *Псков. I л. 6980 г.*¹⁹

смысле такое употребление можно назвать контекстнообусловленным: это возможно в случае выбора одной конкретной двери из всего класса дверей вообще или из нескольких дверей, оговоренных контекстом). Но совершенно очевидно, что относительно двустворчатой двери в равной степени можно сказать: «открыть дверь» и «открыть двери». В устойчивых сочетаниях, как правило, употребляется слово «двери», вне зависимости от количества и «характера» дверей: «двери нашего дома всегда открыты (для тебя)», «(обсуждалось) за закрытыми дверями».

¹⁸ То же касается и слова **волосыни** — другое название созвездия Плеяды, *πλειαδης*: **въ Индѣи же бесерменьскои въ великомъ Бедери смотрилъ есми на великую ночь на великий же день. волосыни да кола въ зорю вошли, а лось головою стонтъ на востокъ**. *Афан. Никит.*

¹⁹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 1. Стб. 274—275.

Однако в семантике слов **власть** (**власи**, **власы₁**) / **власи**, **власы₂** есть небольшая тонкость: под словом **власы₁** скорее понимается не множество волос, а все волосы одной головы как целое. Показательно в этом смысле, что это слово может также иметь значение «шерсть»: **Иоаннъ овлѣченъ власы вельбѣжди** — *Мр. I. 6. Остр. ев.*, и в этом значении сема собирательности еще более очевидна. То есть имеет место значение собирательности, и словоформы **власть**/**власы₁** просто в силу их лексического значения соотносятся как единичное / собирательное. А слово **власы₂** (**власи**), в свою очередь, имеет значение одного хвоста кометы. То есть, по сути, это обычная метафора, без изменения лексико-грамматического разряда.

1) **возъ** (**возы₁**) — воз — **Бѣ бо и оць кго тако млтвѣ. яко же и на возѣхъ возити брашно по граду. и овощь и медъ и вино.** *Нест. Бор. Гл. И повелѣ Хълюбець, ношънааго ради постѣпаня кмоу на возѣ допроводити и до монастыря кго.* *Нест. Жит. Феод. 30.*

2) **возы₂** — обоз — **Хода възъ²⁰ по собѣ не возаше. ни котъла ни масть варл.** *Пов. вр. л. 6472 г. Князь же Всеволодъ нарядивъ полки на масленѣи недѣли, и пусти возы на тѣ сторону рѣкы, иде же Глѣвъъ стояше.* *Лавр. л. 6685 г. Глѣвъъ же наряди полкъ со Мстиславомъ с Ростиславичемъ на возы.* *т. ж.²¹*

Слова **возъ** (**возы₁**) и **возы₂** — это типичный случай метонимического словообразования: часть — целое, ибо обоз — это сцепленные вместе повозки с кладью (по Пражскому словарю **обозъ** — 1) несколько повозок с кладью. 2) совокупность приданных войскам перевозочных средств). Это как раз один из довольно редких наглядных примеров выражения формой мн. ч. значения структурной сложности у конкретного существительного со считаемым денотатом²².

Для отношений смежности и подобия внутренняя форма «образа» наиболее прозрачна и легко поддается вербализации. Например,

мощь (сила) → кости, обладающие силой (мощью) — **мощи**. Признак — носитель.

Власть, **власы** (волос, волосы) → хвост кометы, похожий на «хвост» волос — **ѠТѠ**. Внешнее подобие.

В плане отношений градации (вид — род, род — вид), очень показательна пара **деньга** (денежная единица) и **деньги**, **деньги** (деньги вообще). Разница значений **деньги₁** и **деньги₂** особенно очевидна. Достаточно сравнить такие контексты:

1) для **деньги₁** (мн. ч. от **деньга**, денежная единица): — **А пошлины съ семьи шесть денегъ, съ пѣшеходовъ два алтына; а съ одного не имати** *Дог. гр. 1361–1382 г.; ...а хлѣвъъ бысть дешевъ, зобница ржи по 17 денегъ, а овса по 7 денегъ* *Псков. In. 6972 г.*

2) для **деньги₂** (деньги, pecunia): — **и раздасть денгы многы** (pecunias multas) *Мак 1 XIV. 32 (Библи. 1499 г.); вскъдѣ денегъ Ѡ скровища (deficit pecunia) *т. ж. III. 29; чтовы и денги заплачены были Новгород.* *Зап. д. 1477 г.; заняли есмя... двѣнадцать рублевъ, а въ**

²⁰ Важно отдавать себе отчет в том, что в данном примере слово **возъ** — не им. п. ед. ч., а род. п. мн. ч.

²¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 1. Стб. 284.

²² Приведенные примеры выполняют здесь лишь иллюстративную функцию, основной же корпус словообразовательных цепочек будет приведен ниже.

²³ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 1. Стб. 652—653.

тѣхъ есмь емуъ деньгахъ заложили свои наволокъ *Заемн. каб. Наум. и Ону. Негод. 1483*
г. десять рублевъ казенныхъ денегъ *Заемн. каб. Дм. Истом. 1529 г.*²³

Очевидно, что **ДЕНЬГЫ₁** и **ДЕНЬГЫ₂** — омоформы, которые явились результатом постепенного расхождения полисемии форм множественного числа и автономизации словоформы с более обобщенным значением в самостоятельное слово (лексикализации формы мн. ч.): «много конкретных денежных единиц» → «деньги». То есть налицо родо-видовые отношения производящего и производного слова.

Аналогичным образом дела обстоят с целым рядом других цепочек слов с теми же значениями: **ПѢНАЗЬ** (мелкая монета) → **ПѢНАЗИ** (деньги), **РѸБЛЬ** (обрубок, кляп; денежная единица, рубль; монета) → **РѸБЛИ** (деньги), **ЦАТА** (мелкая монета) → **ЦАТЫ** (деньги).

Очень интересна цепочка «превращений» у слова **КѸНЫ**. **КѸНЫ₁** (мн. ч. от **КѸНА** — куница), **КѸНЫ₂** — куний мех (обычно во мн. ч.), **КѸНА₃** (мн. ч. — **КѸНЫ₃**) — денежная единица, **КѸНЫ₄** — деньги вообще (так как мех мог использоваться в качестве платежного средства).

1) **КѸНЫ₁** — куница: — **Къ семоу же и корькодилы чьтахоу и зми, коуны же и рыбы, отъ бесловесны чьсти вечьстьк себѣ обрѣтажште** *Изб. 1073 г. 162*; **сребролюбци яко же кѸны, иже прирѣзомъ оубогыхъ дѸша погѸбляютъ** (*ως τους οιλουρους*; в подлиннике только начало). *Жит. Андр. Юр. XXXII. 126.*

2) **КѸНЫ₂** — куний мех: — **Тогда Володимеръ повелѣ метати людемъ кѸнами же и ск(о)рон (и) паволокы.** *Иак. Бор. Гл. 146*; **Дворъ же княжь разгравиша, бещисленое множество злата и сребра, кѸнами и вѣлью.** *Пов. вр. л. 6575г.*; **Ты же облачишися и ходиши въ паволоцѣ и въ коунахъ.** *Сбор. Троиц. XII в.*

3) **КѸНА₃/КѸНЫ₃** — денежная единица: — **Аже боудеть вира въ .п. грвнѣ, то вирникоу .зі. грвнѣ и .і. коунѣ и .ві. вѣкше.** *Р. Прав. Яр. (по Син. сп.); а за оупокон сице велаше слоужити сорокоустье на гривноу патью, а на .з. коунѣ одиною, а на .ві. кунѣ двоичю.* *Вопр. Кир.; а дворяномъ твоимъ, како пошло, погонѣ имати отъ князя по .е. кунѣ, а отъ тивѸна по .в. куне.* *Дог. гр. Новг. съ в. к. Яр. Яр. 1270 г.*

4) **КѸНЫ₄** — деньги: — **кѸны твои не даси въ лихвѣ.** *Панд. Ант.; Пождѣте, даже вы кѸны сверѸтъ за мць.* *Пов. вр. л. 6488 г.* **Истьцю личе взати, а прока кмоу желѣти, что с нимъ погыбло, а шному своихъ коунѣ желѣти.** *Р. Прав. (по Син. Сп.); дрѸзини коунами сѧ Ѡкоупиша.* *Новг. I л. 6702 г.*²⁴

Интересно, что в ряде примеров разница между словом **КѸНЫ** со значениями «куний мех», «денежная единица» и «деньги» — довольно небольшая: **И вымыкаша изъ црькви на дворъ до всего, а ис терема кѸны, и книги, и паволокы.** *Лавр. л. 6693 г.* — (**КѸНЫ₂** — мех); **мнѣ любо инѸю волость в тоѣ мѣсто даси, любо кѸнами даси за нее, во что бѸдетъ была.** *Ип. л. 6703 г.* **а на Ярославлихъ любѣвницехъ поимаша Новгородци коунѣ много.** *Новг. I л. 6737 г.* — (**КѸНЫ₃** — ден. единица); **того же лѣта начаша Новгородци торговати промежи себе лопци и гроши Литовьскими и артѸгы Нѣмечкыми, а кѸны отложиша.** *Новг. I л. 6918 г. (по Арх. сп.)* — (**КѸНЫ₄** — деньги). Думается, это объясняется

²⁴ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 2. Стб. 1364—1367.

функциональной смежностью денотатов, которая и стала основанием для семантической деривации, о результатах которой идет речь. Кроме того, тот факт, что границы называемых понятий не всегда четко можно определить, указывает на то, что мы имеем дело с постепенным процессом: в отношении этой цепочки слов вряд ли можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с устоявшимся результатом.

Таким образом, семантические словообразовательные отношения между этими словами можно выразить цепочкой:

$$кѸна_1/кѸны_1 \Rightarrow кѸны_2 \Rightarrow кѸна_2/кѸны_3 \Rightarrow кѸны_4.$$

При этом $кѸна_1/кѸны_1 \Rightarrow кѸны_2$ — это метонимия по смежности: зверек $\Rightarrow$ его шкурка.

$кѸны_2 \Rightarrow кѸна_2/кѸны_3$ — метафора: шкурка $\Rightarrow$ денежная единица $\Rightarrow$ вполне считаемая $\rightarrow$ изменяется по числам).

$кѸна_2/кѸны_3$ ($кѸны_4$ — видо-родовые отношения: денежная единица (деньги вообще) (несчитаемое).

Представляется разумным настаивать на последовательности $кѸна_2 \Rightarrow кѸны_4$, так как закономерно развитие значений от конкретного к абстрактному, ибо абстрактное значение принципиально сложнее, чем конкретное. Но это говорит вовсе не о том, что абстрактное значение должно возникнуть, когда сознание «дорастет» до этой сложности, а о том, что логично возникновение абстрактного через конкретное, а не наоборот. Кроме того, думается, что сначала должно стать привычным считать в кунах, а потом уже называть кунами деньги вообще, в противном случае этот процесс выглядит несколько искусственным. При этом соотношение значений $кѸна_2/кѸны_4$ такое же, как у **ДЕНЬГА/ДЕНЬГЫ**₂.

Важно также то, что $кѸны_2$ встречаются в форме единственного числа, когда количественное значение контекста требует такой формы: **Поча Влегъ воевати Деревланы и примѹчи вои, имаше на нихъ дань по чернѣ кѹнѣ** *Пов. вр. л. 6391 г.* А $кѸны_4$ ни при каких обстоятельствах не входит в сочетания с количественным значениям, так как характеризуется семантикой обобщенности: $кѸны_4$ — несчитаемый дериват от конкретного считаемого $кѸна_2$, сравним:

а что куны дѣда моего Федора... по дѣда моего рукописанию по Федорову же в Волчен земли на Телчяхъ, на погостѣ, сорокъ рѹблевъ да сто осмьдесятъ гривенъ, а въ тѣхъ кѹнахъ приказываю свою четверть дѣтемъ своимъ чисто. *Дух. Новг. и Дв. XIV—XV в.* — $кѸны_4$;

коуплахоу... медъ по .і. коунъ поудъ. *Новг. I л. 6678 г.* Иже преже цѣняше по .в. голважи на кѹнѹ, нынѣ же по .і. не вбрѣтоша. *Пат. Печ.* — $кѸна_2$.

²⁵ Необходимо заметить, что это не единственное значение этого слова, однако и в этом случае доминирует все же значение именно шкурки, оно далеко от какого-либо рода абстракций и имеет полную числовую парадигму: **а дастъ мнѣ оброка на годъ .е. кѹниц.** *Жал. гр. в. к. Дм. Ив. д. 1397 г.*; **а въ Синянѣ полъ рѹбля, а въ Жавнѣ дванадцать кѹницъ да сорокъ вѣлокъ** *Дог. гр. Казим. съ Новг. 1440 г.*; **а въ Любоковѣ и въ Заклини по двѣ кѹници да по двѣ вѣлцѣ, а медъ сытити по силѣ съ перевары.** *т. ж.; съ сорока человекѣковъ одна кѹница идетъ.* *Запис. о Ржевск. дан. п. 1479 г. (Мух. сб. 45).*

²⁶ Сравним, в совр. русск.: «кирпич» — «*на стройку завезли кирпич...», но «стройматериалы» — «*на стройку завезли стройматериалы...», или «*любовный роман наводнил прилавки уличных лотков», но «*книги наводнили прилавки уличных лотков». Какая-либо степень обобщения выражается ед. ч. не всегда, но никогда ед. ч. не выражает высшей степени обобщения. Мы можем создать контекст со словом «француз» в значении 'французы как класс', но никогда со сло-

Переходное положение между значением слов *кѸна*₂/*кѸны*₃ и *кѸны*₄ занимает значение слова *кѸна* в связанных сочетаниях с этим словом: с одной стороны, все эти сочетания характеризуются конкретным значением, с другой, — слово *кѸна*, входя в состав этих сочетаний, не согласуется прямо с количественными числительными (в состав количественных сочетаний входит, в свою очередь, только сочетание *гривна кѸнѣ*, в котором слово *кѸна* стоит в зависимой позиции, и согласуется оно по слову гривна). Но так или иначе, узость контекстов вполне оправдывает отсутствие примеров на единственное число.

В близком значении — меха как платежного средства — встречается в памятниках слово *кѸница*²⁵. Куница в значении особой подати (*кѸница новоженная, съборная, закладная, явленная* и др.) употребляется преимущественно в ед. ч. — со значением класса предметов, неразделенного множества, и далее как результат переноса значения с частного на общее (предмет подати ⇒ подать вообще) и в этом качестве относится к словам *sing. t.* по значению числа: *а владѣ съ игѸмена Иоанского и с нашего монастыра Остѣровѣского кѸници не брати, а никакихъ пошлинѣ. Зап. при кн. Ев. чт. И. Публ. Библ. д. 1400 г.*, etc. Во множественном числе это слово будет обозначать не множество податей, а их разновидности: *а кѸници змирские, свадебные брано бы зѣ нихъ по шести грошей, а вдовью кѸницу по дванадцати грошен. Привил. влад. бояр. и мещ. Смол. 1505 г.*

Слова *кѸны*₄ (со значением «деньги») и *деньгы*₂ (с тем же значением) также по семантике числа являются словами типа «чернила», т. е. употребляются только в единственном по значению числе, но, в отличие от слова *кѸница*, имеют форму мн. ч. Это представляется закономерным, ибо значение «подать» очевидно более частное, чем «деньги» и «шкурки (как сырье)». Значение «структурной множественности» в этих словах, видимо, расшифровывается как высшая степень обобщения²⁶.

Иначе дела обстоят в паре слов *железо*₁ / *железа*₁. Дело в том, что это не корреляция словоформ по числу, а слова *sing.* и *pl. t.* с разным лексическим значением. У первого значение вещественное, а у второго — конкретное.

1) *железо*₁ — (*ferrum*) — классическое *sing. t.* со значением вещества: *кременкѣ твѣржи мѣди сильнѣи и желѣза бысть крѣпчѣи. Мин. 1097 г. 95; не огонь творитѣ разжженіе желѣзѣ, но надыманіе мѣшное. Сл. Дан. Зат., etc.*

2) *железа*₁ — (оковы) — (относится по семантике числа к словам с омонимичными формами единственного и множественного числа в каждом падеже — предметное, считаемое, неодушевленное, во всех приведенных контекстах встречается только в грамматической форме множественного числа): *да не възложиши на ны желѣза (σιδηρον). Вмз. XXVII. 5 по сп. XIV в.; и се рекшема спадоша желѣза с нихъ, стая же к томѣ невидима бысть. Нест. Бор. Гл. 41; аже не боудѣтѣ пороуки, то оу желѣза оусадитѣ. Смол. гр. 1229 г.; а посѣла въ желѣзѣхъ не просити, а что въ желѣзѣхъ посѣлъ, то не въ посѣлъ. Уст. Дв. Гр.*

книги», а «любая, какая-нибудь книга». Еще один пример обобщения — это вывески. Мы часто видим «мягкая игрушка», «академическая книга» — такая вывеска не вызовет удивления. Но вывеска «книга» или «игрушка» невозможна, только «книжки», «игрушки».

²⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 2. Стб. 850—852.

²⁸ Однако все это вполне укладывается в определение А. А. Зализняка слов *sing. t.*: «... *sing. t.* — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ» (Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 58).

1397 г.; и оковавъ его твердыми желѣзы и спровади его въ Витевскъ. Псков. I л. 6943 г.²⁷

Не возникает сомнений, что **ЖЕЛЕЗО**₁ (со значением «железо») ⇒ **ЖЕЛЕЗА**₁ (со значением «оковы») — представляют собой метонимическую деривацию по смежности: железо ⇒ оковы.

Однако есть еще числовая пара **ЖЕЛЕЗО**₂ / **ЖЕЛЕЗА**₂ — со значением «железное орудие, оружие» — в этой паре представлена обычная корреляция по числу:

отрѣвити садъ желѣзомъ (δία του σιδηρου). Панд. Ант. XI в. л. 169; **Не чюяше отинждь желѣзъ раждьженыхъ лютыныхъ**. Мин. Пут. XI в. 9., etc.

Есть также слово **ЖЕЛѢЗО**₃ — в значении «суд Божий горячим железом», которое во всех приведенных в Словаре Срезневского примерах фигурирует только в единственном числе. Возможно, не стоит говорить об ущербности числовой парадигмы слова **ЖЕЛѢЗО**₃ просто потому, что оно ограничено очень специфическим контекстом²⁸:

нъ азъ кляю тѣ, а не холопъ, и кметѣ и на желѣзо. Р. Прав. Влад. Мон. (по Син. сп.); **Роусиноу не вѣсти Латинина ко желъзоу горячемоу, аже самъ (не) въсхочетѣ**. Смол. гр. 1229 г.; **роусиноу же не азѣ имати Немчича на железо**. т. ж. 2-й сп., etc.

Интересны и достаточно очевидны следующие цепочки слов:

Морхъ (ворс на ткани) → **морхи** (челка у лошади);

Ножицъ (маленький нож) → **ножици** (ножницы);

Оковъ (железная скоба) → **оковы** (оковы);

Стѣна (стена) → **стѣны** (темница);

Угълъ (угол) → **Углы** (дом, жилье);

И производные, и производящие слова — конкретные, считаемые. Отношения между производящим и производным — подобие (но не на внешнем, а на функциональном уровне), значение внутренней множественности — в самой структуре подобия: то, что называется производящим словом, функционально подобно *части* того, что называется производным. С известными оговорками можно сказать, что здесь сочетание метафоры и метонимии — «подобие» и «часть — целое».

Метонимия в чистом виде — «смежность» — также представлена в ряде цепочек:

Чрѣво (живот, брюха) → **чрѣва** (внутренности);

Окорокъ (бедро с ягодицей) → **окороци** (поджилки);

Не совсем одинаковы цепочки слов с родо-видовыми и видо-родовыми отношениями (отношениями градации): среди них можно выделить цепочки с более и мене значительными различиями в значениях слов помимо собственно родо-видовых и видо-родовых различий. Однако именно последние являются определяющими. Это следующие цепочки:

Даръ (дар; дарование; благодать; склад; подать;) → **дары** (откуп; брачное приданное; дары святые);

Потворъ (дело, произведение) → **потворы** (колдовство; отравление);

Пѹстыня, пѹстыни — ед. ч. (пустое, пустынное место, степь) → **пѹстыни** — мн. ч. (пустыня, необитаемая местность);

Риза (одежда, одеяние) → **Ризы** (священническое облачение);

Вода (вода) → **Воды** (водные пространства);

Рѣчь (звук, слово) → **Рѣчи** (речь, слова);

языкъ (народ) → **язици** (иноплеменники, язычники);

ятро (печень) → **ятра** (внутренности);

слеза (слеза) → **слезы** (плач);

сторожь (сторож, страж, привратник, караульный) → **сторожи** (сторожевой отряд; передовой отряд, авангард);

дрѹгъ (друг; товарищ; слуга; близкий) → **дрѹзи** (дружина, войско);

Чадо (ребенок) → **Чада** (потомки).

Отношения между производящим и производным здесь можно сформулировать как «феномен → его частный случай», кроме слов **ятро** и **слеза**, для которых отношения, наоборот, «частный случай → феномен в целом», и **Рѣчь** (звук, слово) → **Рѣчи** (речь, слова), где отношения близки, с одной стороны, к регулярному противопоставлению единичности и множественности, но отличаются традиционным восприятием слова со значением множества как феномена отдельного («речь» — это не просто «много звуков»), а с другой, — к отношениям «часть → целое», но отличающиеся ослабленностью семы «целое» в производном слове. Цепочки этой группы вообще принципиально важно отличать от цепочек с отношениями «часть — целое», речь о которых пойдет чуть ниже. Здесь имеет место процесс семантической деривации, в то время как отношения «часть — целое» характерны для лексикализации мн. ч., то есть процесса, в результате которого за формой мн. ч. слова закрепляется новое значение, но оно тесно связано с исходным значением и мотивировано именно формой мн. ч.:

Жерновъ (жернов) → **Жернова** (жернова);

Скала (чаша весов) → **Скалы** (весы);

Для этих слов значение внутренней множественности обусловлено самой моделью словообразования, структурой образа, лежащего в его основе: в весах две чаши, в жерновах два жернова. По сравнению с семантическими отношениями в этих цепочках очень четко видно, что в цепочках, приведенных выше (**морхъ** → **морхи**, **ножиць** → **ножици**, **оковъ** → **оковы**, **стѣна** → **стѣны**, **ѹгълъ** → **ѹглы**) отношения «часть — целое» и связанное с ними значение внутренней множественности не является определяющим.

Количественные отношения, характеризующие целый ряд словообразовательных цепочек разбираемого типа, являются при всей очевидности связи со значением внутренней множественности наименее явными и доказуемыми. Представляется возможным говорить лишь на уровне предположения о том, что между сигнификатами следующих словоформ существуют количественные отношения:

Пѹтина (путы) → **пѹтины** (путы);

Пѹто (путы) → **пѹта** (путы);

Полата (дом, дворец, палаты) → **полаты** (дом, дворец);

Думается, что эти цепочки аналогичны разобранный выше цепочке **жито** → **жита**. Грамматическое числовое противопоставление для этих случаев представляется неправдоподобным, а разницу на уровне денотата по имеющимся примерам зафиксировать не удастся. В то же время предположение о том, что мотивирует наличие этих двух параллельных словоформ разная степень расчлененности сигнификата в представлении каждого конкретного автора, наличие или отсутствие представления о внутренней сложности, «множественности» этой реалии, представляется вполне приемлемой.

Наиболее интересны цепочки слов, в основе которых лежат отношения смежности, однако именно на уровне сигнификатов — это смежность по признаку:

Рядъ (ряд, строй; строка, столбец; пространство между строками; торговый ряд; поселок; порядок; черед, раз; очередь; постепенность; чин; разряд; управление; благоустройство; устав, правило; раскладка; распоряжение, завещание; дело; разрешение дела; суд; приговор; договор; уговор, условие; назначение; ...) → **рады** (переговоры);

Свѣтлота (сияние, благолепие) → **Свѣтлоты** (светлые райские селения);

Сѣнь (тень; навес; балдахин; сень церковная; шатер; обитель; покров, защита, etc.) → **сѣни** (крыльцо; дом, палаты; портик);

Часъ (время; час) → **часы** (местное время; прибор для измерения времени; церковная служба);

Мощь (сила) → **мощи** (останки святых);

Во всех этих примерах основная доминанта — это общий компонент значения, определяющий связь между производящим и производным словом, причем он может быть более или менее периферийным в значении как производящего, так и производного слова. Соответственно, в одних цепочках доминирует отношение смежности, а в других — подобия (схожесть по определенному признаку). Так, для слов **рядъ** → **рады** — это компонент «порядок, структура», для слов **часъ** → **часы** — это компонент «время». Именно эта группа слов наиболее удовлетворяет традиционному представлению об образном словообразовании, то есть словообразовании, при котором значение производного слова выводимо из значения производящего, но не предсказуемо.

Необходимо особо отметить тот факт, что те же самые отношения производящего и производного слов характерны и для тех цепочек с результатом рl. t., которые сопровождаются изменением не только парадигмы, но и наличием аффиксального дериватора: **нарѣчи** (от **рѣка**), **наѣшки** (от **ѣхо**), **ногавици**, **ногавища**, **ножьници**, **поножи** (от **нога**), **ножьници**, **ножьны** (от **ножь**), **носилицы**, **носила** (от **носити**), **похви** (от **похвтити** — «схватить»), **тиски** (от **тѣщити** — «сжимать»). Во всех перечисленных случаях — это смежность: сущ. от сущ. со значением 'предмет, предназначенный для...', сущ. от глаг. со значением 'инструмент'. Значение внутренней сложности в большинстве случаев объясняется тем, что сигнификат (а не только денотат!) этих слов очевидным образом парносоставен (это касается всех слов, кроме **ножьници**, **ножьны**, **носилицы**, **носила**)²⁹. Стало быть изменение системы флексии является не единственным возможным способом словообразования слов рl. t., что является еще одним аргументом в пользу того, чтобы не считать эти слова исключением, словами ущербными или неправильными.

На разобранных примерах показано, что изменения числовой парадигмы также являются выражением *логических отношений* между понятиями, лежащих в основе словообразования как

²⁹ О значении внутренней множественности в словах **ножьници**, **ножьны**, **носилицы**, **носила** было сказано выше, а для остальных слов группы представляется правдоподобным предположение о том, что возможно окказиональное употребление каждого из этих слов, кроме слова **тиски**, в ед. ч.

³⁰ См., например, работу В. И. Дегтярева (Дегтярев В. И. Категория числа. Происхождение имен рl. t. в славянских языках. // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 65—77), где он, в частности, утверждает, что по аналогии со словом «часы» все слова, обозначающие эту реалию, имеют только форму мн. ч., имея в виду слова типа «ходики» и т. п., а в случае

явления. В связи с этим представляется принципиальным настаивать на том, что причину «ущербности» числовых парадигм неверно искать в неких языковых запретах на те или иные формы³⁰.

Все это дает возможность сделать вывод о том, что категория числа была близка к категориям словообразовательным уже в языке древнерусской письменности, а не приблизилась к ним в результате каких-то изменений. Судить о доминанте лексического в категории числа уже на том этапе позволяет помимо слов *pl. t.* также феномен «согласования по смыслу» собирательных существительных в ед. ч. с глаголами во мн. ч. — факт известный, но незаслуженно считающийся малозначительной особенностью древнерусского согласования. Но если это можно традиционно списать на недостаточную устойчивость грамматической системы, то процесс словообразования, при котором дериватором служит изменение числовой парадигмы, мы наблюдаем до сих пор, и представляется возможным говорить даже о своего рода продуктивности этой модели. Это дает возможность предположить, что значение внутренней множественности, или структурной сложности, является не периферийным, а одним из неизменных на протяжении всей истории языка значений, формирующих базу оппозиций, необходимую для выражения национально (= этнически, в широком смысле слова) детерминированных представлений о мире. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, необходимо сравнительное изучение функционирования слов *pl. t.* в современном русском языке и языке древнерусской письменности разных периодов и регистров.

Но уже на основании приведенных данных представляется возможным сделать вывод о том, что слова с неполной парадигмой числа (*pl. t.*) не являются результатом неких сбоев в системе числа, приведших к утрате форм единственного числа, а являются производными словами, а неполнота их числовой парадигмы является показателем словообразовательных отношений. Материал для этого утверждения дают те слова, для которых возможно обнаружить производящее слово, — это значительная часть всего объема слов *pl. t.* С производностью слов *pl. t.* связаны следующие выводы:

— Образование этих слов мотивированно теми же отношениями между понятиями, которые мотивируют образование слов с полной парадигмой. Семантические отношения между производящим и производным словами в цепочках, результатом которых являются слова *pl. t.*, соответствуют семантическим отношениям производящего и производного слов в стандартных словообразовательных цепочках. Стало быть, с точки зрения семантических связей слова в словообразовательной системе слова *pl. t.* не являются исключением.

— Дериватором в словообразовательных цепочках, где слово *pl. t.* является производным, служит изменение системы флексии (числовой парадигмы).

— Мотивирует использование именно этого дериватора общее для всех этих слов значение внутренней множественности, или структурной сложности.

— Производное слово *pl. t.* может вступать в словообразовательные связи в роли производящего слова в цепочках как морфемного, так и безморфемного (семантического в широком смысле) словообразования (например, **ЛЮДИК** (люди) → **ЛЮДИНЪ** (человек); **КЪДЕСЫ** (волхование) → **КЪДЕСЫ** (бубны, используемые при волховании); **ДЪТИ** (дети) → **ДЪТИ** (паства); **КЪНЫ** (мех) → **КЪНА**, **КЪНЫ** (денежная единица), и др.).

